

МИР
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Джеймс Фенимор
Купер

ЗВЕРОВОЙ,
или Первая тропа
войны

♦

ПОСЛЕДНИЙ
ИЗ МОГИКАН,
или Повесть
о 1757 годе

♦

СЛЕДОПЫТ,
или На берегах
Онтарио

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 92

James Fenimore Cooper
THE DEERSLAYER, OR THE FIRST WARPATH
THE LAST OF THE MOHICANS
THE PATHFINDER, OR THE INLAND SEA

Перевод с английского
Сергея Антонова (предисловия к «Зверобою», «Следопыту»
и предисловие к изданию «Последнего из могижан» 1831 года,
примечания автора к «Зверобою» и «Последнему из могижан»),
Ревекки Гальпериной («Следопыт», гл. I–XI, XXVII–XXX),
Доры Каравкиной («Следопыт», гл. XII–XIX),
Валентины Курелла («Следопыт», гл. XX–XXVI),
Полины Мелковой («Последний из могижан»)

Дополненный перевод с английского
Теодора Грица («Зверобой»)

Примечания Сергея Антонова

Составитель Александр Лютиков

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрации
Генри Мэтью Брока («Зверобой», «Последний из могижан»),
Чарльза Эдмунда Брока («Следопыт»)

ISBN 978-5-389-29321-2

© С. А. Антонов, перевод, примечания, 2019
© Р. М. Гальперина (наследник), перевод, 2025
© В. Н. Курелла (наследник), перевод, 2025
© П. В. Мелкова (наследники), перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ЗВЕРОБОЙ,
или Первая тропа войны

Какие Ужасы вокруг него роятся!
Сплошь Изумление и Бегство впереди
И Одиночество со Скорбью позади!

*Грей*¹

¹ Эпиграф к роману заимствован из пиндарической оды английского поэта Томаса Грея (1716–1771) «Бард» (1755–1757, опубл. 1757; строфа 2, ст. 60–62). *Перевод С. Антонова.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Во время работы над этой книгой автора непрестанно одолевали опасения касательно того, какой прием окажет ей читающая публика. Сделать одного и того же человека главным действующим лицом пяти отдельных романов означает, пожалуй, злоупотребить добрым расположением читателей, и многие вправе счесть, что такой поступок сам по себе заслуживает порицания. В ответ на эту резонную критику автор может сказать лишь одно: если он и совершил в данном случае серьезный просчет, то часть вины за это лежит и на самих читателях. Благоклонность, с которой был встречен рассказ о дальнейшем жизненном пути и кончине Кожаного Чулка, породила — по крайней мере, в сознании автора — мысль о том, что необходимо поведать кое-что и о юных годах этого героя. Словом, картины его жизни, какими они предстали на страницах предыдущих книг, были уже столь полными и законченными, что вызвали немалое желание увидеть ту «колыбель», из которой они появились на свет.

«Повести о Кожаном Чулке» составляют теперь нечто вроде драмы в пяти актах; завершенная во всем, что касается материала и общего замысла, она, весьма вероятно, очень несовершенна по своему исполнению. Каковы бы ни были эти пять актов, все они явлены читающему миру. Их создатель надеется, что, если мир расценит нынешний акт — последний по времени публикации, хотя и подлежащий прочтению раньше других, — как не самый лучший в серии, он все же не сочтет его наихудшим. Не единожды автора разбирало желание сжечь рукопись и обратиться к какой-нибудь иной теме, однако в ходе работы он получил поддержку столь необыкновенную, что о ней стоит упомянуть. Из Англии ему пришло анонимное письмо, написанное, как он полагает, женской рукой и содержавшее настоятельную просьбу о том, что он и так уже осуществил больше чем наполовину; это пожелание автор охотно истолковал как знак того, что его попытка будет пусть и не всецело одобрена, но воспринята в известной мере снисходительно.

Нет необходимости много говорить о персонажах и местах действия этой повести. Первые, разумеется, вымышлены, а вторые верны природе настолько, насколько автор смог описать их, полагаясь на свои основательные знания о том, как выглядит ныне этот край, и на подсказанные воображением догадки насчет его стародавнего облика. Считается, что озеро, горы, долина и леса запечатлены довольно точно; что же касается реки, утеса и косы, то они являются прямыми зарисовками с натуры. Даже мысы существуют: они слегка тронуты цивилизацией, но столь близко соответствуют приведенным описаниям, что всякий, кто знаком с этой местностью, легко их узнает.

В вопросе достоверности событий, составляющих сюжет этой повести (как отдельных, так и всех вкуче), автор намерен требовать уважения к своим правам и не говорить больше того, что он полагает необходимым сказать. В великой борьбе за правду, которая разворачивается между Историей и Литературой, последняя столь часто берет верх, что автор склонен предложить читателю поселиться в упомянутом краю и провести там собственные разыскания. И если по наведении справок выяснится, что какой-нибудь профессиональный историк, официальные документы или даже местные традиции утверждают нечто, идущее вразрез со сказанным на страницах этой книги, автор с готовностью признает, что данное обстоятельство напрочь ускользнуло от его внимания, и распишется в своем невежестве. Но если, напротив, в анналах Америки не обнаружится ничего противоречащего тому, что ныне явлено миру, автор (который твердо убежден, что результат исследования будет именно таким) потребует признания за его легендой подобающего авторитета.

Существует представительный — как по численности, так и во всех прочих отношениях — класс читателей романов, зачастую напоминающих человека, который «поет, когда читает, и читает, когда поет». Если дело касается фактов, у этих людей до крайности разыгрывается воображение, меж тем как во всем, что связано с поэзией, они прилежно-педантичны, словно буквалистский перевод, выполненный школяром. Это вынуждает автора напрямик пояснить им, что Джудит Хаттер — это именно Джудит Хаттер, а не какая-то другая Джудит, и что, если взглянуть на проблему шире, любое совпадение имен или цвета волос не означает ничего большего, чем можно вывести из совпадения имен или цвета волос. Долгий опыт научил писателя, что этой части публики труднее всего угодить, и он со всем уважением предлагает таким читателям обоюдovýгодный эксперимент: попробовать отнестись к плодам фантазии так, словно это произведения, основанные на строгих фактах. Не исключено, что такой метод позволит им проникнуться правдоподобием художественного вымысла.

Существует и другой класс читателей (несомненно, играющий менее важную роль в нашей республиканской стране, поскольку он пребывает в значительном меньшинстве), который склонен принимать вещи такими, какими их преподносят, и понимать под ними именно то, что они означают. Таким людям я советую начать с первой главы и далее читать подряд — до тех пор, пока это занятие будет доставлять им удовольствие, и ни страницей больше. И если кто-нибудь из представителей упомянутого класса одолеет книгу целиком и сочтет, что время, которого потребовало ее внимательное прочтение, потрачено не совсем бесполезно, автор будет этим сполна удовлетворен.

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ПОВЕСТЯМ О КОЖАНОМ ЧУЛКЕ»

Этот цикл историй, получивший название «Повести о Кожаном Чулке», создавался как придется, без какого-либо заранее продуманного плана. Порядок, в каком эти несколько книг были опубликованы, существенно отличается от того, в котором они увидели бы свет, если бы автор стремился последовательно излагать естественный ход событий. В «Пионерах», написанных раньше других романов цикла, Кожаный Чулок предстает уже стариком, изгнанным из своих прежних лесных пристанищ стуком топоров и дымом от костров поселенцев. Затем появился «Последний из могикан», который перенес читателей в значительно более ранний период времени, в ту пору, когда наш герой был человеком средних лет, находившимся в расцвете зрелой мужественности. В «Прерии» его жизненный путь завершается, и он нисходит в могилу. На этом автор намеревался навсегда расстаться с Кожаным Чулком, предполагая, что того ждет скорое забвение — обычная среди людей участь. Но тайная привязанность к этому герою побудила автора воскресить его в «Следопыте», за которым вскоре последовал «Зверобой», завершающий цикл в его нынешнем виде.

Хотя эти пять книг были опубликованы в упомянутом нами порядке, хронология событий в них, соотнесенная с различными этапами жизни Кожаного Чулка, как уже говорилось выше, совсем иная. Если придерживаться канвы его биографии, то первой книгой цикла окажется «Зверобой», так как в нем мы видим главного героя только-только вступающим в пору зрелости; за «Зверобоем» должны следовать «Последний из могикан», «Следопыт», «Пионеры» и «Прерия». Такое расположение, пусть и заметно отличающееся от порядка, в котором книги выходили в свет, соответствует естественному развитию событий. «Пионеры» были изданы в 1822 году, «Зверобой» — в 1841-м; промежуток времени, пролегающий между ними,

составляет девятнадцать лет¹. Сказались ли прошедшие годы на силе изначального вдохновения автора, умалив ценность его последней книги, или, напротив, усовершенствовали его вкус и добавили зрелости суждениям — решать другим.

Если чему-нибудь, что вышло из-под пера создателя этих романов, и суждено пережить его самого, то это, бесспорно, будут «Повести о Кожаном Чулке». Говоря так, автор вовсе не пророчит им длительную славу, а всего лишь выражает веру в то, что они окажутся долговечнее любой другой его книги или даже всех книг, когда-либо им написанных.

Нельзя не признать, что хаотичная манера, в которой создавались «Повести о Кожаном Чулке», отчасти повредила их согласованности друг с другом и, кроме того, ослабила читательский интерес к ним. Это доказывает судьба двух книг, которые появились в печати последними, хотя именно они, пожалуй, более всего заслуживают внимания просвещенной и утонченной публики. Если бы можно было собрать достоверные сведения на сей счет, то результат, весьма вероятно, показал бы, что среди тех, кто прочел три ранние книги цикла, едва ли хоть один из десяти знает о существовании двух позднейших (в особенности это касается американских читателей). Тому есть разные причины. Из-за продолжительной паузы, наступившей после публикации «Прерии», «Следопыт» и «Зверовой» недополучили причитавшейся им доли читательского интереса. Они уже не порождали эффекта новизны, а неизбежное предвосхищение дальнейших событий, известных по опубликованным ранее книгам, заметно ослабляло увлекательность рассказа. Для нового поколения читателей этот недостаток будет отчасти устранен с выходом в свет настоящего издания², в котором повести располагаются сообразно логике развития сюжета.

Автора то и дело спрашивают, существовал ли у Кожаного Чулка реальный прототип. В физическом облике главного героя, несомненно, соединились черты разных людей, воспоминания о которых автор сохранил со времен своей юности; духовный же облик этого жителя леса — целиком и полностью плод писательской фантазии. Изобразить человека, мало что почерпнувшего у цивилизации, кроме ее высших принципов (насколько они доступны его непро-

¹ Авторская неточность. В действительности роман «Пионеры, или У истоков Саскуиханны» был опубликован в 1823 г., и, соответственно, упомянутый временной интервал составляет 18 лет.

² Речь идет об издании: *Cooper J. F. The Leather-Stocking Tales. Author's Revised Edition: In 5 vols.* N. Y.: George P. Putnam, 1850–1851, в первом томе которого были опубликованы это и следующее предисловия.

свещенному уму), и ведущего первобытное существование, вполне совместимое, впрочем, с основополагающими правилами цивилизованного общества, — такой задумке, пожалуй, соответствуют жизненные обстоятельства, в которых пребывает Натти. Он слишком горд своим происхождением, чтобы опуститься на уровень индейца-дикаря, и вместе с тем слишком вовлечен в лесную жизнь, чтобы не усвоить как можно больше от своих друзей и спутников. В нравственном смысле этот образ имеет целью показать, что случается с семенем, брошенным на обочину. Сам герой называет свои «привычки» «привычками белого человека» и вовсе не склонен их дискредитировать. С другой стороны, лишенный почти всех соблазнов цивилизованной жизни, оказавшийся в средоточии того, что принято считать жизнью дикой, и вольный по милости благой природы приумножать выгоды своего положения, этот персонаж позволил автору продемонстрировать, не впадая в крайности, преимущества обоих способов существования.

Автору не составило большого труда вообразить, что представляет собой человек, который провел детство среди цивилизации и, переселившись в лесные дебри, сохранил многое из опыта, приобретенного в начальную пору жизни. Однако, не будь эти ранние впечатления поддержаны последующими, пусть и случайными, контактами с людьми если не его круга, то по крайней мере его цвета кожи, все, что мы знаем о нем, наводило бы на мысль о скорой утрате этим человеком всяческих примет его происхождения. Мы полагаем, что специфические обстоятельства, в которых оказался Натти, описаны достаточно подробно, чтобы свойства его натуры выглядели убедительно. Делавары¹ рано привлекли внимание миссионеров и были необычайно восприимчивы к их наставлениям и примерам. Известно множество случаев перехода делаваров в христианскую веру, и дальнейшая жизнь некоторых новообращенных свидетельствует о грандиозных нравственных переменах, произошедших в их сознании.

У главного героя литературного произведения есть законное право появиться перед читателем в поэтическом свете, и именно под таким — а не прозаически-обстоятельным — углом зрения представлен характер Кожаного Чулка. Нет ничего сложного в том, чтобы

¹ *Делавары* (ленане, ленни-ленане) — индейское племя из алгонкинской языковой группы, населявшее в XVII–XVIII вв. земли в долинах рек Делавэр, Гудзон и Саскуиханна и вдоль побережья Атлантического океана, на территории современных штатов Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси, Делавэр и Мэриленд. Делавары состояли во вражде с ирокезским племенным союзом; во время англо-французских войн середины XVIII в. по большей части выступали на стороне англичан.

вообразить себе человека, свободного от заблуждений, к которым каждодневно подталкивает жизнь в условиях цивилизации, и верного самым лучшим и самым простым из своих ранних впечатлений; такой человек видит Бога в лесу, слышит Его в шуме ветра, поклоняется Ему под куполом небосвода, что раскинулся над миром, подчиняется Его власти со смиренной верой в Его справедливость и милосердие — одним словом, обнаруживает печать Божества во всех творениях природы, не запятнанных людскими уловками, страстями и ошибками. На такой идеал и равнялся автор, создавая образ Кожаного Чулка. Но если бы он при этом закрыл глаза на несовершенства рода человеческого, в портрете героя, скорее всего, было бы больше привлекательности, чем достоверности. Посему, дабы сохранить *vraisemblance*¹, автор дополнил эти достойные качества и высокие стремления индивидуальными чертами, которые связаны с юношескими предрассудками, склонностями и даже слабостями Натги, — что, смеем надеяться, позволило правдоподобно обрисовать человеческую натуру, избежав превращения персонажа в «ходячую добродетель».

В отношении этих книг звучал упрек, будто индейцы показаны в них в более благоприятном свете, нежели они того заслуживают. Автор полагает, что подобные упреки по большей части обусловлены личным опытом тех, кто их высказывает. Один из его критиков по выходе из печати первой книги, в которой фигурировал краснокожий, заявил, что «эти индейцы скорее заимствованы у Хекеуэлдера², чем взяты из реальной жизни»³. Очень может быть, что в этих словах содержится и должный ответ на выдвинутый упрек. Хекеуэлдер был ревностным и благожелательным миссионером, который верил в природную доброту краснокожего и видел в нем ближнего, наделенного душой, разумом и прочими человеческими свойствами. Критик же слывет весьма авторитетным государственным деятелем, хорошо знающим индейцев такими, какими они предстают

¹ Правдоподобие (*фр.*).

² Преподобный Джон Готтлиб Эрнест Хекеуэлдер (1743–1823) — американский миссионер англо-немецкого происхождения, принадлежавший к общине моравских братьев (см. примеч. на с. 30); автор ряда книг об индейцах и, в частности, «Отчета об истории, нравах и обычаях индейских народов, населявших некогда Пенсильванию и соседние штаты» (1818), который стал для Купера одним из главных источников сведений о коренных жителях Северной Америки.

³ Речь идет об американском военном, политике и государственном деятеле, губернаторе территории Мичиган в 1813–1831 гг. Льюисе Кассе (1782–1866), который критиковал описание индейцев Хекеуэлдером и Купером в своих статьях «Индейцы Северной Америки» и «Структура индейских языков», опубликованных в журнале «Североамериканское обозрение» в январе 1826 и апреле 1828 г. соответственно.

во время переговоров по откупу их земель, когда их мирные качества проявляются крайне мало или не проявляются вовсе, зато в полной мере дают знать о себе их дурные страсти. Считать, что на переговорах по этим сделкам открывается истинный облик индейцев, не более справедливо, чем судить обо всем американском обществе по картинам столичной жизни.

Все писатели и особенно те, чьи произведения претендуют стать вровень с героическими романами прошлого, обладают привилегией преподносить читателю своих героев как beau-idéal¹. Именно здесь рождается поэзия, и полагать, будто краснокожего надлежит изображать не иначе как в состоянии убожества или нравственной деградации, более или менее соответствующих условиям его существования, — значит, на наш взгляд, искусственно сужать возможности, которые предоставляет сочинителю упомянутая авторская привилегия. Такая критика способна лишить нас даже Гомера.

[1850]

¹ Образец совершенства (*фр.*).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1850 ГОДА

Как уже говорилось в предисловии к «Повестям о Кожаном Чулке», исходя из того, в каком порядке эти повести надлежит читать, «Зверобой» — книга, открывающая цикл, хотя она и является финальной по времени публикации. Герой запечатлен в ней еще на пороге зрелости, его отличают способность нравиться окружающим, естественным образом присущая молодости, и свежесть чувств, свойственная этой примечательной поре человеческой жизни. Как следствие, он любим и, что скорее выдает каприз человеческой природы, нежели согласуется с теориями и высоконравственными ожиданиями, любим девушкой, преисполненной кокетства, тщеславия и всевозможных слабостей, притом любим в первую очередь за его прямоту, скромность, непогрешимую правдивость и честность. Надеемся, что предпочтение, которое он отдает упомянутым достоинствам вместо красоты, безумной страсти и греха, преподносит урок, не обидный ни для кого. Эта тема сознательно не акцентирована в книге, но, думается, она раскрыта достаточно внятно, чтобы донести до читателя заключенную в повести мораль.

Замысел заключался в том, чтобы представить сестер в резком контрасте друг с другом: одна — обладающая восхитительной внешностью, умная, исполненная гордости от сознания своей красоты, грешная и падшая; другая — с трудом способная отличать добро от зла, но притом наделенная женскими добродетелями, почитающая и любящая Господа, подверженная лишь слабостям, которые свойственны ее полу, и очарованная привлекательной наружностью того, кто слишком груб и невнимателен, чтобы заметить или понять ее безмолвное, кроткое чувство к нему.

Место действия повести (и здесь восприятие читателей вполне отвечает замыслу автора) представляет собой точное описание озе-

ра Отсега¹ до 1760 года, когда на его берегах основали первое примитивное поселение; в ту пору это был всего-навсего небольшой расчищенный участок земли с маленькой хижинкой из тесаных бревен — временным жилищем заместителя управляющего по делам индейцев. Писатель отчетливо помнит те времена, когда девять десятых побережья покрывал девственный лес, — обстоятельство, связанное с тем, что дороги, тянувшиеся через первую цепь долин, пролегали вдалеке от озера. Леса и горы вкупе с чарующей водной гладью всегда служили главным источником красоты этого края; немалая часть тамошних лесов высится и поныне — и приятно оживляет собой скучное однообразие распаханых земель.

В большинстве случаев места, где происходит действие повести, изображены довольно точно. Утес, на котором назначили встречу Зверобой и его друг-делавар, сохранился по сей день и называется Отсега-Рок. Коса, где Хаттер построил свой «замок», на деле находится чуть в стороне, несколько ближе к северной оконечности озера и к его восточному берегу, чем это описано в книге. Тем не менее коса эта, со всех сторон окруженная глубокими водами, существует. В самые засушливые периоды над поверхностью озера виднеется ряд камней, а большую часть года местонахождение отмели выдают заросли тростника. Одним словом, даже эта особенность ландшафта соответствует действительности во всем, кроме точности расположения. То же самое можно сказать и о некоторых мысах, заводах, реке, горах и обо всех прочих достопримечательностях этого края.

История, поведенная в повести, является чистейшим вымыслом. Факты, персонажи и другие характерные ее особенности не могут быть подтверждены каким-либо авторитетным источником — за вычетом того, что представлялось автору необходимым для придания рассказу правдоподобия. Приверженность истине заставляет нас признать, что книга привлекла крайне мало внимания и что если судить о ее достоинствах по ее популярности, то заботу, которую автор проявил об этом издании, также можно счесть излишней. Такова, по крайней мере, судьба книги в Америке; у нас нет сведений, нашла ли она лучший прием в какой-нибудь иной стране.

[1850]

¹ *Отсега* (Отсиго) — озеро в одноименном округе штата Нью-Йорк, исток реки Саскуиханны; основное место действия романов «Зверобой» и «Пионеры», в которых оно выведено под названием Мерцающее Зеркало (Глиммерглас); ныне на северо-восточном берегу озера располагается основанный в 1960-е гг. национальный парк «Мерцающее Зеркало».

ГЛАВА I

...Есть наслажденье в бездорожных чашах,
Отрада есть на горной крутизне,
Мелодия — в прибое волн кипящих,
И голоса — в пустынной тишине.
Людей люблю — Природа ближе мне.
И то, чем был, и то, к чему иду я,
Я забываю с ней наедине.
В своей душе весь мир огромный чуя,
Ни выразить, ни скрыть то чувство не могу я.
«Чайльд-Гарольд»¹

События производят на воображение человека такое же действие, как время. Тому, кто много поездил и много повидал, кажется, будто он живет на свете давным-давно; чем богаче история народа важными происшествиями, тем скорее ложится на нее отпечаток древности. Иначе трудно объяснить, почему летописи Америки уже успели приобрести такой достопочтенный облик. Когда мы мысленно обращаемся к первым дням колониальной истории, тот период кажется далеким и туманным; тысячи перемен отодвигают в нашей памяти рождение наций к эпохе столь отдаленной, что она как бы теряется во мгле времен. А между тем четырех жизней средней продолжительности было бы достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий все, что цивилизованный человек совершил в пределах Американской республики. Хотя в одном только штате Нью-Йорк жителей больше, чем в любом из четырех самых маленьких европейских королевств и во всей Швейцарской конфедерации, прошло всего лишь двести лет с тех пор, как голландцы, основав свои первые поселения, начали выводить этот край из состояния дикости. То, что кажется таким древним благодаря множеству перемен, становится знакомым и близким, как только мы начинаем рассматривать его в перспективе времени.

¹ Эпиграф — из поэмы английского поэта Джорджа Гордона Байрона (1778–1824) «Паломничество Чайльд-Гарольда» (1809–1818, опубл. 1812–1818; песнь IV, строфа 178, ст. 1594–1602). *Перевод В. Левика.*

Этот беглый взгляд на прошлое должен несколько ослабить удивление, которое иначе мог бы почувствовать читатель, рассматривая изображаемые нами картины, а некоторые добавочные пояснения воскресят в его уме те условия жизни, о которых мы хотим здесь рассказать. Исторически вполне достоверно, что всего сто лет назад такие поселки на восточных берегах Гудзона, как, например, Клаверак, Киндерхук и даже Пуокипси, не считались огражденными от нападения индейцев. И на берегах той же реки, на расстоянии мушкетного выстрела от верфей Олбани, еще до сих пор сохранилась резиденция младшей ветви Ван Ренсселеров¹ — крепость с бойницами, сделанными для защиты от того же коварного врага, хотя постройка эта относится к более позднему периоду². Такие же памятники детства нашей страны можно встретить повсюду в тех местах, которые ныне сльвут истинным средоточием американской цивилизации. Это ясно доказывает, что все наши теперешние средства защиты от вражеского вторжения созданы за промежуток времени, немногим превышающий продолжительность одной человеческой жизни.

События, рассказанные в этой повести, происходили между 1740 и 1745 годами. В то время были заселены только четыре округа колонии Нью-Йорк, примыкающие к Атлантическому океану, узкая полоса земли по берегам Гудзона, от устья до водопадов вблизи истока, да несколько соседних областей по рекам Мохок и Скохари³. Широкие полосы девственных дебрей не только достигали берегов Гудзона, но и простирались дальше, вглубь Новой Англии⁴, скрывая в лесной чаще обутого в бесшумные мокасины туземного воина, шагавшего по таинственной и кровавой тропе войны. Если взгля-

¹ Справедливости ради следует уточнить, что Ренсселеры из Гринбуша представляют старшую ветвь этого древнего и почтенного семейства. (Примечание автора к изданию 1850 г.) — *Здесь и далее авторские примечания к текстам «Зверобоя» и «Последнего из могикиан» переведены С. Антоновым.*

Ван Ренсселеры — династия влиятельных купцов и государственных деятелей США, выходцев из Голландии, сыгравшая заметную роль в истории штата Нью-Йорк в XVII–XVIII вв. С доктором медицины Джеремайей Ван Ренсселером (1793–1871) Купер подружился в пору учебы в Олбани в 1801–1802 гг. *Гринбуш* — город в округе Ренсселер штата Нью-Йорк; в 1855 г. он разделился на два административно-территориальных образования — Восточный Гринбуш и Северный Гринбуш.

² В действительности особняк Ван Ренсселеров в Гринбуше был построен в 1680–1690-е гг., то есть не позже, а на полвека раньше эпохи, к которой приурочены события «Зверобоя».

³ *Мохок* — река в штате Нью-Йорк, крупнейший приток Гудзона, впадающий в него несколько севернее города Олбани. *Скохари* — приток Мохока.

⁴ *Новая Англия* — в период, к которому относится действие романа, общее название английских колоний (впоследствии обретших статус штатов) на востоке Северной Америки: Мэн, Нью-Гемпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут.

нуть с высоты птичьего полета на всю область к востоку от Миссисипи, взору наблюдателя представилось бы необъятное лесное пространство, окаймленное близ морского берега сравнительно узкой полосой обработанных земель, усеянное сверкающими озерами и пересеченное извиляющимися линиями рек. На фоне этой величественной картины уголок страны, который мы хотим описать, казался бы весьма незначительным. Однако мы будем продолжать наш рассказ в уверенности, что более или менее точное изображение одной части этой дикой области даст достаточно верное представление о ней в целом, если не считать мелких и несущественных различий.

Каковы бы ни были перемены, производимые человеком, вечный круговорот времен года остается неизблемым. Лето и зима, пора сева и пора жатвы следуют друг за другом в установленном порядке с изумительной правильностью, предоставляя человеку возможность направить высокие силы своего всеобъемлющего разума на познание законов, которыми управляется это бесконечное однообразие и вечное изменение. Столетиями летнее солнце обогревало своими лучами вершины благородных дубов и сосен и посылало свое тепло даже прячущимся в земле упорным корням, прежде чем слышались голоса, перекликавшиеся в чаще леса, зеленый покров которого купался в ярком блеске безоблачного июньского дня, в то время как стволы деревьев в сумрачном величии высились в окутывавшей их тени. Голоса, очевидно, принадлежали двум мужчинам, которые сбились с пути и разошлись в разные стороны, пытаясь найти потерянную тропинку. Наконец торжествующее восклицание возвестило об успехе поиска, и затем какой-то высокого роста человек выбрался из лабиринта мелких болот на поляну, образовавшуюся, видимо, частично от опустошений, произведенных ветром, частично под действием огня. Сама поляна, почти сплошь заваленная стволами высохших деревьев, раскинулась на склоне одного из тех высоких холмов или небольших гор, которыми пересечена едва ли не вся эта местность, и с нее открывался превосходный вид на ясное небо.

— Вот здесь можно перевести дух! — воскликнул лесной путник, отряхиваясь всем своим огромным телом, как большой дворовый пес, выбравшийся из снежного сугроба. — Ура, Зверобой! Наконец-то мы увидели дневной свет, а там и до озера недалеко.

Едва только прозвучали эти слова, как второй обитатель леса раздвинул болотные заросли и тоже вышел на поляну. Наскоро приведя в порядок свое оружие и истрепанную одежду, он присоединился к товарищу, уже расположившемуся на привале.

— Ты знаешь это место? — спросил тот, кого звали Зверобоем. — Или закричал просто потому, что увидел солнце?

Купер Дж. Ф.

К 92 Зверобой, или Первая тропа войны ; Последний из могикиан, или Повесть о 1757 годе ; Следопыт, или На берегах Онтарио : романы / Джеймс Фенимор Купер ; пер. с англ. С. Антонова, Р. Гальпериной, Т. Грица и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 1296 с. : ил. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-29321-2

С момента первой публикации в 1820–1840-х годах и по сей день пенталогия Джеймса Фенимора Купера о Натаниэле Бампо (известном также под прозвищами Зверобой, Соколиный Глаз, Следопыт, Длинный Карабин и Кожаный Чулок) неизменно пользуется успехом во всем мире как один из эталонов увлекательной приключенческой прозы, сюжеты и персонажи которой однажды и навсегда пленяют читательское воображение. Ловкий охотник и смелый воин, самоотверженный защитник слабых и угнетенных, Кожаный Чулок давно и прочно вошел в пантеон самых популярных героев мировой литературы.

В настоящий том включены первые три романа цикла, повествующие о юных и зрелых годах жизни Натаниэля, о его дружбе с индейцем-делававром Чингачгуком, об их стычках с гуронами в лесных дебрях и на озерной глади, о смертельном риске, на который друзья идут ради вызволения из плена возлюбленной Чингачгука, защиты семейства Хаттер («Зверобой») и спасения дочерей британского полковника Манро («Последний из могикиан»), о любви главного героя к дочери его давнего друга, сержанта Томаса Дунхема, и о его самопожертвовании во имя чужого счастья («Следопыт»). Публикуется полный текст «Зверобоя», восстановлены все авторские предисловия и примечания к романам и их позднейшим прижизненным изданиям. В книге воспроизводятся полные комплекты иллюстраций к романам Купера, созданные английскими художниками братьями Генри Мэтью Броком и Чарльзом Эдмундом Броком.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ДЖЕЙМС ФЕНИМОР КУПЕР
ЗВЕРОВОЙ, ИЛИ ПЕРВАЯ ТРОПА ВОЙНЫ
•
ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН,
ИЛИ ПОВЕСТЬ О 1757 ГОДЕ
•
СЛЕДОПЫТ, ИЛИ НА БЕРЕГАХ ОНТАРИО

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Маргарита Ахметова, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.04.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 79,38. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPB-38427-01-R